

ПОЗИЦИОННЫЕ КЛАССЫ СОЮЗОВ В БАРТАНГСКОМ ЯЗЫКЕ

О.И. Беляев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Аннотация: В статье рассматривается синтаксис клаузалных союзов в бартангском языке (памирский иранский язык шугнано-рушанской группы). Показано, что в отличие от большинства других иранских языков и вопреки более ранним описаниям, в этом языке отсутствуют начальные подчинительные союзы, при этом преобладают внутриклаузалные показатели (во второй и предглагольной позициях). При этом некоторые из союзов, традиционно относимых к сочинительным или начальным подчинительным, корректнее рассматривать как финальные союзы или частицы. Ядро системы союзов бартангского языка составляют: полифункциональные внутриклаузалные *ца* и *ди_{IN}*; «начальный» *ди_{EX}*; сочинительные *ху* 'и' и *ат* 'а, но'. Союз *ца* обязательно должен занимать предглагольную позицию, т. е. примыкать непосредственно слева к глаголу, отделяясь только отрицанием. Союз *ди_{IN}* вариативно допускает как вторую, так и предглагольную позицию; при этом его вторая позиция отличается от второй позиции, которую занимают лично-числовые субъектные клитики, а предглагольная — от предглагольной позиции союза *ца*. Союз *ди_{EX}*, на мой взгляд, и вовсе не должен считаться подчинительным союзом; это финальная частица, обозначающая наличие в последующем дискурсе клаузы, продолжающей данную. Наконец, из двух «сочинительных» союзов этот термин может применяться только к *ат* 'а, но', который стоит между двумя клаузами и может начинать новое высказывание. Союз *ху* 'и' должен считаться конечным подчинительным союзом. Этот материал представляет интерес как для дальнейшего синтаксического описания бартангского языка, так и для типологии союзов в иранских языках.

Ключевые слова: бартангский язык; иранские языки; памирские языки; сложное предложение; союзы

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-6

Для цитирования: Беляев О.И. Позиционные классы союзов в бартангском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 70–87.

POSITION CLASSES OF CONJUNCTIONS IN BARTANGI

Oleg Belyaev

Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; belyaev@ossetic-studies.org

Abstract: In the article, I consider the syntax of coordinating and subordinating clause conjunctions in Bartangi (an Iranian Pamir language of the Shughni-Roshani branch). I show that, unlike most other Iranian languages and in contrast to earlier descriptions, Bartangi lacks clause-initial subordinators, while clause-internal (second-position and preverbal) conjunctions are predominant. At the same time, some of the conjunctions traditionally viewed as coordinating or clause-initial are better analyzed as final conjunctions or particles. The core of the system of conjunctions in Bartangi consists of the following: polyfunctional clause-internal *ca* and *di_{IN}*; “clause-initial” *di_{EX}*; coordinating *xu* ‘and’ and *at* ‘and, but’. The subordinator *ca* must be strictly preverbal, i.e. immediately left-adjacent to the verb, separated only by negation. The subordinator *di_{IN}* is variably placed in the preverbal or second positions; however, its second position is not the same as the second position of person-number clitics, and its preverbal position is different from the preverbal position of *ca*. The marker *di_{EX}*, I claim, is not a subordinator at all; it is a final particle indicating the presence of a continuation clause in the following discourse. Finally, among the two “coordinating” conjunctions this term may properly be applied only to *at* ‘and, but’, which is situated between two clauses and may begin a new utterance. The conjunction *xu* ‘and’ must be viewed as a clause-final subordinator. These data are of interest for both further syntactic description of Bartangi and the typology of conjunctions in Iranian languages.

Keywords: Bartangi language; Iranian languages; Pamir languages; complex clauses; conjunctions

Funding: This research has been supported by RSF, project no. 24-18-00199 “Clause structure and positional phenomena in SOV languages”.

For citation: Belyaev O.I. (2025) Position Classes of Conjunctions in Bartangi. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 70–87.

1. Введение

Иранские языки на первый взгляд характеризуются достаточно однотипными стратегиями клаузного сочинения и подчинения. Большинство из них описываются как использующие небольшой инвентарь подчинительных союзов, стоящих в начале зависимой клаузы (несмотря на базовый порядок слов SOV); среди них преобладают «универсальные» союзы, наиболее изученным из которых является персидский *ke* [Рубинчик 2001: 331сл.]. Для клаузного сочинения иранские языки обычно также используют союзы — как

унаследованные из праиранского (например, перс. =o 'и'), так и заимствованные (перс. *va* 'и', *amta* 'но' из арабского).

Однако некоторые языки этой группы, находящиеся в относительной изоляции от основной части иранского мира, выбиваются из этой достаточно однородной картины. До сих пор едва ли не единственным хорошо описанным из таких языков является осетинский, в котором преобладают предглагольные подчинительные союзы [Lyutikova, Tatevosov 2009; Erschler 2012; Belyaev 2022] и коррелятивная конструкция сложного предложения [Беляев 2014; Belyaev 2014]. Задача настоящей статьи — дать общий обзор синтаксических позиций подчинительных союзов в другом «периферийном» иранском языке, бартангском. Система союзов в этом языке также обнаруживает мало сходств с персидским: в ней отсутствуют начальные подчинительные показатели, но при этом имеются союзы, занимающие предглагольную, конечную и вторую позиции. И если предглагольные союзы находят соответствие в осетинском, то другие два типа в других иранских языках представлены исключительно мало — или, во всяком случае, не описываются в подобных терминах. Таким образом, настоящая статья предлагает материал для дальнейшего более глубокого исследования как в рамках бартангского языка, так и на общеиранском и типологическом фоне.

Бартангский¹ относится к шугнано-рушанской группе иранских языков, которую обычно относят к памирскому ареальному объединению. Он распространен в долине реки Бартанг в Горно-Бадахшанской АО Республики Таджикистан. Число носителей по данным последней переписи, учитывавшей малые языки Таджикистана, составляло 5500 (1989 г.); сегодняшнее их количество не поддается точной оценке. Исследование выполнено преимущественно на материале полевых исследований автора (совместно с А.О. Бадеевым и А.А. Сергиенко) в 2023–2024 гг. в с. Басид Рушанского района Республики Таджикистан и записанных в этот период устных текстов (отмечаются фигурными скобками: {имя_текста}), а также на базе опубликованных ранее устных текстов, прежде всего работ [Зарубин 1937; Соколова 1960; Карамхудоев 1973]. Большинство приводимых авторами примеров признаётся носителями языка в качестве грамматически правильных, так что, насколько можно судить, система сложного предложения бартангского языка со времени публикации этих работ существенных изменений не претерпела.

¹ Я хотел бы выразить благодарность всем носителям бартангского языка, с которыми мне довелось работать, за их помощь и гостеприимство. Я также благодарю двух анонимных рецензентов за ценные замечания к тексту. Все ошибки в данных — на моей совести.

Для записи бартангских примеров я использую кириллическую орфографию, которая применяется в работах по бартангскому начиная с [Карамхудоев 1973] и основана на шугнанской графике, которая, в свою очередь, в основном следует таджикской. Для бартангского используются дополнительные символы: δ — звонкий межзубный фрикативный; θ — глухой межзубный фрикативный (совпадают с соответствующими символами Международного фонетического алфавита); $\ddot{o}$ — долгий огубленный гласный переднего ряда среднего подъема (МФА [ø:] или [œ:]); $\check{x}$ — глухой велярный фрикативный (x в таджикской графике обозначает увулярный); $\check{z}$ — звонкий велярный фрикативный; w — лабиовелярный аппроксимант; $ʒ$ — звонкая дентальная аффриката (МФА [d͡ʒ]). Долгота гласных обозначается чертой над буквой только для тех случаев, когда она обладает фонологическим статусом. Поскольку статус отдельных показателей пока еще недостаточно ясен, я в записи не различаю аффиксов и клитик, отделяя оба типа показателя дефисом. Единственным исключением являются лично-числовые показатели второй позиции, чей энклитический статус, ввиду их мобильной позиции, представляется несомненным; они отделяются от опорного слова знаком равенства.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 я даю общие сведения о порядке слов в бартангском языке, необходимые для понимания других частей исследования. В разделе 3 обсуждаются союзы *ца* и *ди_{IN}*, всегда находящиеся внутри зависимого предложения (во второй или предглагольной позиции). В разделе 4 обсуждаются союзы, стоящие на границе клауз: *ху* и *ат*, традиционно относимые к сочинительным, и *ди_{EX}*, рассматриваемый в грамматиках как начальный подчинительный союз. В разделе 5 обобщаются выводы статьи и приводятся перспективы для дальнейших исследований.

2. Порядок слов в бартангском языке: общие сведения

Базовым порядком слов в бартангском языке является SOV (1). Как и многие другие новоиранские языки, бартангский обладает двухпадежной системой, которая, однако, используется только у местоимений; таким образом, морфологические падежные оппозиции явно выражаются только у местоимений и у именных групп, модифицированных демонстративами (2). При этом, как видно из последнего примера, бартангский обладает и другим средством разграничения ядерных актантов: дифференцированным маркированием прямого дополнения при помощи аблативного предлога *аз* ‘от’,

которое используется при местоимениях, именах собственных и именах, имеющих при себе демонстратив (который в бартангском выполняет также роль определенного артикля).

- (1) Пулод рупц вйнт.
 П. лиса видеть.PST
 'Пулод увидел лису'.
- (2) Āz=ум аз вй гāц вйнт.
 я.NOM=1SG OBJ² D3.M.OVL мальчик видеть.PST
 'Я увидел того мальчика'.

Вряде близкородственных языков, например в рушанском и шугнанском, порядок SOV соблюдается довольно жестко. В бартангском, как отмечала уже В.С. Соколова, порядок слов гораздо свободнее: «...в Бартанге в любых случаях возможна свободная перестановка членов предложения» [Соколова 1960: 7]. В.С. Соколова связывала эту свободу порядка слов с наличием согласования глагола с подлежащим (которое в рушанском отсутствует в прошедшем времени) и маркированием объекта при помощи предлога. Однако в шугнанском также существует субъектное согласование в прошедшем времени, но порядок слов, судя по данным Д.Г. Чистяковой, несколько более жесткий [Chistyakova 2022]. Предложное маркирование объекта из этих трех идиомов действительно широко распространено только в бартангском и, безусловно, является фактором, улучшающим допустимость альтернативных порядков слов, особенно OSV (3). Однако и при отсутствии явного маркирования объекта большинство носителей допускают другие варианты позиционирования составляющих, в частности SVO (4).

- (3) Аз Португалия Грузия айод.
 овj П. Г. уносить.PST
 'Португалию Грузия победила' (разговорный пример из живой речи, 2024 г.).
- (4) Пулод вйнт рупц.
 П. видеть.PST лиса
 'Пулод увидел лису'.

Все зависимые в именных группах в бартангском находятся слева от вершины, при этом посессор должен стоять в косвенном падеже, если эта категория у него выражается (5). Носители не до-

² При глоссировании я глоссирую этот показатель в объектной функции как овj, а не авj, для удобства чтения. Вопрос о том, совпадают ли в бартангском синхронно аблативный и объектный предлоги, заслуживает отдельного исследования.

пускают использования при имени более одного немаркированного зависимого на одном уровне (ба); вместо этого используется конструкция с посессивным суффиксом *-ā* и его дублированием личным или указательным местоимением в косвенном падеже (6б).

- (5) *мун амсойā чōд дwōр*
 я.ОVL сосед дом дверь
 ‘дверь дома моего соседа’

- (6) а. * *Пулод баиāнд чōд*
 П. хороший дом
 (‘хороший дом Пулода’)

б. *Пулод-ā йā wī баиāнд чōд*
 П.-POSS D3.NOM D3.M.OVL хороший дом
 ‘тот хороший дом Пулода’ (букв. «у Пулода его хороший дом»)

Как и во многих других восточноиранских языках, в бартангском используются как предлоги, так и послелог, при этом в пространственных контекстах часто используется предлог совместно с послелогом: предлог маркирует пространственное положение ориентира относительно дейктического центра ситуации (*на* «выше», *ар* «ниже», *тар* «на одном уровне»), послелог — локализацию (7).

- (7) *Āz=ум на Пулод хīз суд.*
 я.NOM=1SG LOC.UP П. APUD идти.PST.M
 ‘Я поехал к Пулоду (наверх)’.

3. Внутриклаузные союзы

Ядро бартангской системы подчинения составляют внутриклаузные союзы: *ца* и *ди*; последний, во избежание его смешения с омонимичным внеклаузальным союзом (раздел 4.2), я буду обозначать как *ди_{IN}*. Оба союза имеют весьма широкий круг употреблений. Подробное описание функций этих союзов представлено в работе [Беляев 2025], здесь же я ограничусь описанием их позиционных свойств. Оба союза всегда находятся внутри зависимой клаузы, точнее — в ее предглагольной части, но в остальном их линейное местоположение существенно различается.

3.1. Союз *ца*

Показатель *ца* в литературе трактуется как подчинительный союз [Соколова 1960: 91; Карамхудоев 1973: 272]. И.И. Зарубин трактует этот показатель как вопросительное слово ‘что’ [Зарубин 1937: 43], что безусловно верно этимологически, но синхронно не так даже в текстах самого И.И. Зарубина (ср. условное употребление *са* на

с. 20, строка 76: *ħojik sa dōr* ‘если боишься’); в современном бартангском языке функцию вопросительного слова для неодушевленных предметов выполняет *чиз* ‘предмет, вещь’.

Союз *ца* маркирует относительные придаточные, а также придаточные времени, причины, условия, уступки, места, образа действия, в отдельных случаях — целевые и актантные предложения. Он всегда примыкает слева к финитному глаголу (8), отделяясь от него только отрицанием (9а), которое, возможно, следует скорее считать префиксом. Как и в главном предложении, глагол в клаузах с союзом *ца* не обязан занимать финальную позицию; за ним может следовать один из актантов клаузы (9б).

- (8) *Wād=an ца йат, āз=ум аз уф қйўд.*

D3.PL.NOM=1PL SUBD прийти.PST я.NOM=1PL OBJ D3.PL.OBL звать.PST
‘Когда они пришли, я их позвал’.

- (9) а. *Ибод дарс дод, тонац Пулод ца на йач.*

И. урок давать.PST пока П. SUBD NEG приходить.PRF

б. *Ибод дарс дод, тонац ца на йач Пулод.*

‘Ибод делал уроки, пока не пришел Пулод’.

В бартангском языке конструкция обладания в настоящем времени чаще всего не содержит какого-либо выраженного глагола; обладатель маркируется показателем *-ā*, обладаемое стоит в прямом падеже. В клаузах с этой конструкцией *ца* употребляется самостоятельно, без опорного глагола (10а). Существенно, что в таком «независимом» употреблении союз *ца* обязан стоять в конце зависимой клаузы (10б). С отрицанием такое употребление несовместимо; в этом случае может использоваться только полноценный глагол ‘быть’ (10в); впрочем, это следует из свойств самой посессивной конструкции, в которой при отрицании обязательно используется выраженный глагол.

- (10) а. *Пул тā-йā ца, дй-қатй чōд вирōхт вāрдй*

деньги ты.OBL-POSS SUBD D2.M.OBL-INS дом строить.INF мочь.PRS[2SG]
‘С теми деньгами, что у тебя есть, ты можешь построить дом’.

б. * *Пул ца тā-йā, дй-қатй чōд вирōхт вāрдй.*

в. *Пул тā-йā ца на *(ваўд)...*

деньги ты.OBL-POSS SUBD NEG быть.SBJV:3SG

‘Если у тебя нет денег...’

С просодической точки зрения союз *ца*, по-видимому, выступает в качестве проклитики к глаголу, а при употреблении без глагола сам несет на себе ударение.

3.2. Союз $ди_{IN}$

Внутриклаузалный союз $ди_{IN}$ (в словаре В.С. Соколовой — $ди_2$) в литературе также трактуется как подчинительный [Соколова 1960: 103]. В.С. Соколова отличает этот союз от другого, омонимичного ему, который имеет другую позицию и другой круг употреблений и здесь обозначается как $ди_{EX}$ (см. раздел 4.2). Н. Карамхудоев не проводит границы между этими союзами [Карамхудоев 1973: 275], а И.И. Зарубин не отделяет этот союз от совпадающей с ним косвенной основы указательного местоимения среднего дейксиса [Зарубин 1937: 45]. Союз $ди_{IN}$ обладает несколько более узким кругом употреблений, чем $ца$: он прежде всего оформляет придаточные времени, в ограниченной степени — условия и причины. Он имеет две возможные линейные позиции в клаузе: вторую (после первой именной группы) и предглагольную (совпадающую в целом с позицией союза $ца$), см. (11).

- (11) (**Ди*) *тү*=*т* (^{OK}*ди*) *мāш-ри* (**ди*) *базайгарак* (^{OK}*ди*) *дāчүг*,
 SUBD ты=2SG SUBD мы=DAT SUBD игрушка SUBD давать.PST
мāш=ти хош сāн.
 мы=FUT радостный идти.PRS:1SG
 ‘Когда ты даёшь³ нам игрушки, мы радуемся’ [Беляев 2025].

Во второй позиции $ди_{IN}$, судя по всему, энклитизируется к предшествующей составляющей; об этом говорит также вариативность его формы: после слов, оканчивающихся на согласный, часто используется вариант *иди*. При этом в бартангском есть еще один класс элементов, занимающих вторую позицию в клаузе: лично-числовые субъектные энклитики, обязательно употребляющиеся в предложениях с глаголом в форме прошедшего времени или перфекта во всех лицах и числах, кроме 3 л. ед. ч. Как видно из примера (11), при наличии в клаузе такой клитики и $ди_{IN}$ во второй позиции клитика должна предшествовать союзу. Обратный порядок (**Тү-ди-ат йат...*) невозможен.

Вторая позиция $ди_1$ также существенно отличается от «ваккер-нагелевской» второй позиции лично-числовых клитик. Последние в случае, если клауза состоит из одного глагола, ставятся после него, однако с союзом $ди_{IN}$ такого не происходит: в этом случае для него остается возможной только предглагольная позиция (12).

³ В темпоральных клаузах с $ди_{IN}$ формы времени имеют относительную интерпретацию, поэтому в этом примере используется прошедшее время, обозначающее предшествование по отношению к событию в главной клаузе. Подробнее об этом см. [Беляев 2025].

- (12) а. *Ди йат=ум, қйw-ум аз тã.*
 SUBD прийти.PST-1SG звать.PRS-1SG OBJ ты.OBL
 ‘Когда я приду, я тебя позову’.
 б. * *Йат=ум ди, қйw-ум аз тã.*

Некоторые примеры из устных текстов позволяют предположить, что в предглагольной позиции *ди*_{IN}, подобно *ца*, является проклитикой к глаголу. Так, в (13) две паузы отделяют *ди* *вйнт-и* от соседних составляющих, так что здесь *ди*_{IN} никак не может быть энклитикой.

- (13) *Йи вахт (450 мс) аз одам (561мс) ди вйнт-и (230мс) даδ*
 один время OBJ человек SUBD видеть.PRS:3SG тогда
варам кйхт-кйхт ху, хичафт.
 опухоль делать.PRS:3SG-делать.PRS:3SG CONJ лопаться.PRS:3SG
 ‘Когда она [сказочная змея] видит человека, она разбухает и лопается’
 {anoyatsho_jonali_almasti1_200624}.

Неясно также, может ли *ди*_{IN} употребляться без глагола в клаузах с именной предикацией, аналогично примерам с союзом *ца* (10а). Такого рода примеры возможны (14), однако трудно сказать, используется ли в них предглагольный *ди*_{IN} или межклаузальный *ди*_{EX} (раздел 4.2); в последнем случае вторая клауза получает значение результата: «У Пулода бывают деньги, и тогда/поэтому он покупает нам подарки». Поиск подходящих примеров осложняется тем, что в тех контекстах, где используется *ди*_{IN} (темпоральные и условные клаузы, относящиеся к будущей или хабитуальной ситуации, а также цепочки клауз в нарративе), в посессивной конструкции скорее будет использоваться модальный бытийный глагол *ваw-* по независимым причинам.

- (14) *Ар вахт Пулод-ā сом ди, йā=ти тã-p*
 когда П.-POSS рубль SUBD/LNK D3.NOM=FUT ты.OBL-DAT
туфā зоз-δ.
 подарок брать.PRS-3SG
 ‘Когда/если у Пулода бывают деньги, он покупает тебе подарки’.

Союзы *ца* и *ди*_{IN} могут также сочетаться в пределах одной клаузы. Такая конфигурация возможна, например, в случае, если темпоральная клауза с *ди*_{IN} входит в состав протасиса условной конструкции, вводимой союзом *ца*. Как видно из (15), в таких примерах предглагольный *ди*_{IN} обязательно предшествует *ца*, а не следует за ним.

- (15) *Агар тѹ=t* (ди) на Басид (ди) ца (*ди) йат,
 если ты.NOM=2SG SUBD LOC.UP Б. SUBD прийти.PST
Файзмамад хїз зиндагї ца кїн,
 Ф. APUD жизнь SUBD делать.PRS[2SG]
лув му-р.
 говорить.PRS[2SG] я.OBL-DAT
 ‘Скажи мне, если, когда ты поедешь в Басид, ты будешь жить
 у Файзмамада’.

Таким образом, когда $ди_{IN}$ находится в предглагольной позиции, его свойства аналогичны свойствам *ца* (с фиксированным порядком союзов в этой позиции). Однако «вторая» позиция $ди_{IN}$ отличается от «второй» позиции лично-числовых клитик, так как союз, в отличие от последних, не может следовать за глаголом. Возможно, это связано с различными просодическими и/или синтаксическими принципами позиционирования этих показателей, и этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

4. Начальные и конечные союзы

В бартангском языке имеется также несколько союзов, которые никогда не могут находиться внутри зависимой клаузы. В литературе эти элементы трактуются по-разному. Для союзов *ху* ‘и’ и *ат* ‘а, но’ В.С. Соколова не уточняет их сочинительный или подчинительный статус, обозначая их просто как союзы [Соколова 1960: 77, 173]; так же делает И.И. Зарубин для *ат* [Зарубин 1937: 40], тогда как *ху* он не упоминает. Н. Карамхудоев, напротив, прямо говорит о сочинительном статусе этих союзов, вероятно, ориентируясь на русский перевод [Карамхудоев 1973: 266–270]. Союз $ди_{EX}$ (у нее — di_1) В.С. Соколова трактует как вводящий различные типы придаточных предложений [Соколова 1960: 101–103]. В обеих работах авторы не проводят какого-либо последовательного анализа синтаксиса этих союзов, ориентируясь при их описании скорее на выражаемый ими круг значений. Ниже я предложу альтернативную трактовку линейной позиции этих союзов, основанную на их синтаксических свойствах.

4.1. «Сочинительные» союзы: межклаузальные или финальные?

Употребления союзов *ху* и *ат* в бартангском близки к функциям сочинительных союзов в европейских языках — таких, как русские *и* и *но*. Так, *ху* используется для описания темпоральной последовательности действий (16), *ат* — для описания одновременных действий в разносубъектных контекстах (17).

- (16) Пулод суд тар усто хїз **ху**, усто аз-ї балон
 П. идти.PST.M LOC.EQ мастер APUD CONJ мастер OВJ-D3.M.OVL колесо
 бадал чўг.

обмен делать.PST

‘Пулод пришел к мастеру, и мастер поменял его колесо.’

- (17) Āз=ум неwд-**am**⁴, йā уч дароз аз
 я.NOM=1SG плакать.PST-CONJ D3.SG.NOM очень долгий OВJ
 мун дил додан чўг

я.OVL успокоение делать.PST

‘Я плакал, а она долго меня успокаивала.’

Оба союза с просодической точки зрения являются энклитиками, присоединяющимися к последнему слову предшествующей клаузы — чаще всего к глаголу, однако в качестве опорного может выступать и любое другое слово, оказавшееся в конце первого предложения, как, например, послелог *хїз* в (16) или имя, маркированное энклитикой *индер* ‘в’ в (18). Таким образом, на первый взгляд позиция этих союзов совпадает с позицией сочинительных союзов в европейских языках: они находятся между двумя сочиненными клаузами.

- (18) Йат хїнзум чōд-индер-**am**, аwқот wї-p
 прийти.PST колдунья дом-IN-CONJ обед D3.M.OVL-DAT
 пōхт ху аҳовд

готовить.PST и спать.PST

‘Он вошел в дом колдуньи, она сварила ему еды, и он заснул’

[Соколова 1960: 77].

Однако союз *ху* образует с предшествующей клаузой не только просодическое единство. Это следует из таких примеров, как (19), где этот «сочинительный» союз вместе со связанной с ним клаузой находится в конце предложения.

- (19) Захмї сад йā чабўд, āз=ум аз
 раненый идти.PST.F D3.SG.NOM голубь я.NOM=1SG OВJ
 ум жер дод **ху**.

D3.F.OVL камень бить.PST CONJ

‘Я камнем ударил голубя, и он стал искалеченным’

(измененный носителем⁵ пример из [Карамхудоев 1973: 258]).

⁴ Различие в пунктуационном оформлении *ху* и *am* следует конвенциям, принятым в работах В.С. Соколовой и Н. Карамхудоева, и не предполагает какого-либо содержательного различия в просодическом поведении этих союзов.

⁵ У Н. Карамхудоева *жер* ‘камень’ маркируется инструментальным послелогом -*ац*: *жер-ац-ум аз ум дод ху*. Современным носителям в этом контексте более

Имея в виду такие примеры, союз *ху* едва ли можно отнести к сочинительным — скорее его следует считать финальным подчинительным союзом, вводящим темпоральные придаточные, или финальной частицей. Так, (19) может быть переведен как «Голубь стал искалеченным, когда я ударил его камнем» или «Голубь стал искалеченным. Ведь я ударил его камнем».

Союз *ат* ведет себя несколько иначе. Во-первых, постпозиция включающей его клаузы затруднена: такие примеры, как (20), допускают не все носители, а те, что допускают, отмечают, что межкаузная позиция союза является более естественной. Подобные употребления союза *ат* также не встретились в доступных мне устных текстах.

- (20) ??*Асад ху дам дет, Пулод кор кихт-ат.*
 А. REFL отдых давать.PRS:3SG П. работа делать.PRS:3SG-CONJ
 'Пулод работает, а Асад отдыхает'.

Во-вторых, в функции адверсативного союза ('но') союз *ат* может не быть энклитическим, но начинать высказывание после паузы; на это указывала еще В.С. Соколова: «употр. при том или ином противопоставлении (допускает перед собой паузу)» [Соколова 1960: 77]. Это видно по пунктуации некоторых примеров с этим союзом в печатных изданиях (21), но особенно хорошо заметно в устных текстах, где ему предшествует значительная по длительности пауза (22).

- (21) *Йи амро баиһанд, ат аз ййw даw бедөр*
 один спутник хороший CONJ AVL один два лучше
 'Один — хорошо, двое — лучше' [Карамхудоев 1973: 268].

- (22) ...*ат мардум хоч дўғ*
 CONJ люди страх иметь.PST
 [Афганцы и киргизы нападали, но не достигали нашей стороны...]
 '...а народ пугался' (пауза после предшествующего предложения
 750 мс) {fortress_180623}.

Таким образом, два «сочинительных» клаузных союза в бартангском имеют, по-видимому, различный статус. Только *ат* можно назвать сочинительным в традиционном смысле: он стоит строго между двумя клаузами, не присоединяясь синтаксически ни к одной из них (впрочем, некоторые носители допускают постпозицию первой клаузы с конечным союзом). Союз *ху* же следует считать энклитическим конечным союзом, по всей видимости, вводящим темпоральное придаточное.

предпочтительным представляется использование сложного глагола *жер бедов* 'бить камнем'. В остальном пример оставлен без изменений.

Следует заметить, что в бартангском также иногда употребляется заимствованный из таджикского языка противительный союз *аммо* 'но'. Этот союз никогда не допускает постпозитивных употреблений, аналогичных (19), ср. (23).

- (23) * *Захмӣ на сад йа чабӯд, аз=ум*
 раненый NEG идти.PST.F D3.SG.NOM голубь я.NOM=1SG
аз ум жер дод аммо.
 OBL D3.F.OBL камень бить.PST но
 ('Голубь не стал искалеченным, хотя я ударил его камнем.')

4.2. Начальный союз *ди_{EX}*?

В бартангском также имеется союз *ди_{EX}*, по своей позиции и функции аналогичный персидскому *ke* и таджикскому *ки*. Этот союз вводит зависимую клаузу, находящуюся после главной (24). Круг его функций весьма широк: он вводит сентенциальные актанты, придаточные результата, нереферентные относительные конструкции и некоторые другие виды клауз.

- (24) *Му-р аҷойиб ди, йа ху вахт-тӯр на йам.*
 я.OBL-DAT удивительный LNK D3.SG.NOM REFL время-SUPER NEG прийти.PST
 'Меня удивляет, что он не пришел вовремя' [Карамхудоев 1973: 275].

Как видно из (24), Н. Карамхудоев всегда пунктуационно отделяет *ди_{EX}* (но не *ди_{IN}*, хотя в тексте работы эти союзы не различаются) от следующей за ним клаузы. Это косвенно свидетельствует о том, что союз имеет энклитический статус. Это подтверждают и данные устных текстов, где к тому же *ди* может отделяться от следующей клаузы значительной по длительности паузой (25). При этом обратные примеры, где *ди_{IN}* следовал бы за паузой, ни в устных текстах, ни в опубликованных источниках не встречаются.

- (25) *Мӯйсафед ху-р фикри кӣт ди, (580мс) агар аз*
 старик REFL-DAT мысль делать.PRS:3SG LNK если я.NOM
сӣм, мун набос раст.
 идти.PRS:1SG я.OBL внук остаться.PRS:3SG
 'Старик думает: если я пойду, мой внук останется'
 {anoyatsho_jonali_almast1_200624}.

В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли вообще считать *ди_{EX}* подчинительным союзом, вводящим зависимую клаузу. Семантика этого показателя обсуждается в работе [Беляев 2025], где утверждается, что во всех типах придаточных, где используется *ди_{EX}*, союз может быть опущен. Таким образом, сам по себе он не при-

вносит в предложение какого-либо дополнительного значения. Кроме того, в некоторых случаях за «начальным» $ди_{EX}$ не следует зависимой клаузы. Это касается, во-первых, случаев, когда $ди_{EX}$ функционирует в качестве частицы (26). Такая функция напоминает аналогичные употребления персидского *ke* и таджикского *ки*; ср. персидское *ke* в экскламативном употреблении: *parhâš yek barqi mizad ke!* ‘ее крылья сияют как молния!’ [Mohammadi-Bakhtiari 2013: 108].

- (26) *Йи лап нахчйр умдер ди(дй)!*
 один много козёл D3.LOC:IN LNK
 ‘Там так много горных козлов!’ [Карамхудоев 1973: 277]

Во-вторых, $ди_{EX}$ может стоять после зависимой клаузы — в этом случае он формально «вводит» главную клаузу, как в (27), и в этом случае его никак нельзя считать начальным подчинительным союзом. Но и конечным подчинительным союзом он также не является: в (27) подчиненный статус клаузы обозначает предглагольный *ца*.

- (27) *Духман лāк тар қалā ца йодд ди, wāδ*
 враг 1US LOC.EQ крепость SUBD приходить.PRS:3SG LNK D3.PL.NOM
мā-лāк-ан аз-й
 NEG.MOD-пускать.PRS-3PL OBJ-D3.M.OVL
 ‘Чтобы, когда враг приходит в крепость, они его не пускали’
 {fortress_180623}.

В работе [Беляев 2025] на основании схожих наблюдений и других функциональных особенностей $ди_{EX}$ предлагается считать его не подчинительным союзом, но финальной частицей, сигнализирующей о наличии в последующем дискурсе продолжения маркированного ею высказывания. Таким образом, в бартангском начальные подчинительные союзы отсутствуют, а $ди_{EX}$ если и можно признать союзом, то скорее конечным. По-видимому, его структурная позиция эквивалентна позиции союза *ху*; во всяком случае, сочетания *ху ди* или *ди ху* носители запрещают, и в текстах они мне не встретились.

5. Заключение

В настоящей статье я рассмотрел позиционное распределение основных союзов бартангского языка, оформляющих сложные предложения: полифункциональных *ца* и *ди* (в двух вариантах: внеклаузальном $ди_{EX}$ и внутриклаузальном $ди_{IN}$), сочинительных по функции *ху* и *ат*. Исследование показало, что для союзов в бартангском следует выделять как минимум четыре различные позиции:

- **предглагольная:** *ца* (раздел 3.1), внутриклаузный $ди_{IN}$ (раздел 3.2);
- **вторая:** внутриклаузный $ди_{IN}$ (раздел 3.2);
- **конечная:** темпорально-сочинительный *ху* (раздел 4.1), внеклаузный $ди_{EX}$ (раздел 3.2);
- **начальная:** сочинительный *ат*, заимствованные сочинительные союзы (раздел 4.1).

При этом следует заметить, что вторая позиция союза $ди_{IN}$ не совпадает со второй (ваккернагелевской) позицией лично-числовых энклитик, а показатели в конечной позиции, возможно, следует считать не союзами, но дискурсивными частицами.

Представленные в статье данные интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, они достаточно необычны в контексте типологии сложного предложения в иранских языках. Большинство иранских языков имеют базовый порядок слов SOV, но описываются как использующие начальные подчинительные союзы; ср. персидский *ke* [Рубинчик 2001: 331слл.]; *ki* в курдском курманджи [Thackston 2006: 71ff.]. Несколько особняком среди иранских языков всегда стоял осетинский, в котором преобладают предглагольные союзы, с небольшим количеством начальных или «плавающих»; впрочем, конечные употребления осетинских сочинительных союзов, аналогичные употреблению бартангского *ху* в (19), отмечались в [Беляев 2022]. В бартангском предглагольные союзы также занимают довольно важное место, что ставит под сомнение тезис об их развитии в осетинском под влиянием грузинского [Erschler 2012]. Конечные же союзы в иранских языках вообще обычно не фиксируются, за редкими исключениями вроде бухарского таджикского [Ido 2007], где постпозитивные употребления реляционных имен и послелогов, управляющие инфинитивом, явно возникли под тюркским влиянием. При этом такое положение вещей в большинстве иранских языков с типологической точки зрения является скорее аномалией; для языка SOV дрейф в сторону конечной позиции подчинительных показателей в свете гринберговских универсалий ожидаем, см. [Dryer 1992: 101–103] и мн. др. Вопрос о месте союзов в структуре клаузы и сочинительно-подчинительных свойствах конструкций с их участием требует отдельного изучения.

Список сокращений в глоссах

ABL — показатель движения от ориентира; APUD — показатель локализации вблизи ориентира; CONJ — сочинительный союз; D2 — дейктический показатель второй степени (вблизи слушающего);

D3 — дейктический показатель третьей степени (вдаль от говорящего и слушающего); DAT — показатель дательного падежа; F — женский род; FUT — частица будущего времени и хаби́туали́са; IN — показатель локализации внутри ориентира; INF — инфинитив; INS — инструменталис; JUS — юссив; LNK — соединительная частица; LOC — локативная форма; LOC.EQ — показатель расположения объекта на уровне говорящего; LOC.UP — показатель расположения объекта выше говорящего; M — мужской род; NEG — отрицание; NEG.MOD — модальное отрицание; NOM — именительный падеж; OBJ — показатель прямого объекта; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRF — перфект; PRS — настоящее-будущее время; PST — прошедшее время; REFL — возвратное местоимение; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз; SUPER — показатель местонахождения выше ориентира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев О.И.* Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014.
2. *Беляев О.И.* Осетинские сочинительные союзы в типологии полипредикации // Деятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2022 г.). СПб., 2022. С. 20–24.
3. *Беляев О.И.* Полифункциональные подчинительные конструкции в бартангском языке: к единому анализу // Вопросы языкознания. 2025. № 3. В печати.
4. *Зарубин И.И.* Бартангские и рушанские тексты и словарь. Ленинград, 1937.
5. *Карамхудоев Н.* Бартангский язык (Фонетика и морфология). Душанбе, 1973.
6. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
7. *Соколова В.С.* Бартангские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
8. *Belyaev O.* Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // Suihkonen P., Whaley L.J. (eds.). On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia. Amsterdam, 2014. P. 275–310.
9. *Belyaev O.* Phrase structure and configurationality in Ossetic // Butt M., Findlay J.Y., Toivonen I. Proceedings of the LFG '22 Conference. Konstanz, 2022.
10. *Chistyakova D.* Word order in a simple sentence in Shughni. Курсовая работа, НИУ ВШЭ, 2022 г.
11. *Dryer M.* The Greenbergian word order correlations // Language. 1992. Vol. 68 (1). P. 81–138.
12. *Erschler D.* From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // Lingua. 2012. Vol. 122 (6). P. 673–699.
13. *Ido S.* Bukharan Tajik. München, 2007.
14. *Lyutikova E., Tatevosov S.* The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian // Third International Conference on Iranian Language (ICIL 3). Paris, 2009.

15. Mohammadi-Bakhtiari B. Some other pragmatic functions of *ke-* in spoken Persian // *Research in Western Iranian Languages and Dialects*. 2013. Vol. 1 (2). P. 103–116. Ha persidskom jazyke.
16. Thackston W.M. *Kurmanji Kurdish*. Harvard, 2006.

REFERENCES

1. Belyaev O. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // Suihkonen P., Whaley L.J. (eds.). *On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Amsterdam, 2014. P. 275–310. (437 p.)
2. Belyaev O.I. Korreljativnaja konstrukcija v osetinskom jazyke v tipologicheskom osveshchenii [Ossetic correlatives in typological perspective]. PhD dissertation, Lomonosov Moscow State University, 2014. (In Russ.)
3. Belyaev O.I. Osetinskie sochinitel'nye sojuzy v tipologii polipredikacii [Ossetic coordinating conjunctions in the typology of clause combining] // *Devjattnadcataja konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyh issledovatelej. Tezisy dokladov* [Nineteenth conference on typology and grammar for young researchers. Book of abstracts]. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2022. P. 20–24. (In Russ.)
4. Belyaev O.I. Polifunkcional'nye podchinitel'nye konstrukcii v bartangskom jazyke: k edinomu analizu [Polyfunctional subordinating constructions in Bartangi: Towards a unified analysis] // *Voprosy jazykoznanija*. 2025, no. 3. In print. (In Russ.)
5. Belyaev O. Phrase structure and configurationality in Ossetic // Butt M., Findlay J.Y., Toivonen I. *Proceedings of the LFG '22 Conference*. Konstanz, 2022.
6. Chistyakova D. Word order in a simple sentence in Shughni. Term paper, HSE University, 2022.
7. Dryer M. The Greenbergian word order correlations // *Language*. 1992. Vol. 68 (1). P. 81–138.
8. Erschler D. From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // *Lingua*. 2012. Vol. 122 (6). P. 673–699.
9. Ido S. *Bukharan Tajik*. München, 2007.
10. Karamkhudoev N. *Bartangskij jazyk (Fonetika i morfologija)* [Bartangi: Phonetics and morphology]. Dushanbe: Donish, 1973. 380 p. (In Russ.)
11. Lyutikova E., Tatevosov S. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian // *Third International Conference on Iranian Language (ICIL 3)*. Paris, 2009.
12. Mohammadi-Bakhtiari B. Some other pragmatic functions of *ke-* in spoken Persian // *Research in Western Iranian Languages and Dialects*. 2013. Vol. 1 (2). P. 103–116. In Persian.
13. Rubinchik Ju.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka* [A grammar of Modern Standard Persian]. Moscow: Izdatel'skaja firma “Vostochnaja literatura” RAN, 2001. 601 p. (In Russ.)
14. Sokolova V.S. *Bartangskie teksty i slovar'* [Bartangi texts and dictionary]. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 201 p. (In Russ.)
15. Thackston W.M. *Kurmanji Kurdish*. Harvard, 2006. (256 p.)
16. Zarubin I.I. *Bartangskie i rušanskije teksty i slovar'* [Bartangi and Roshani texts and dictionary]. Leningrad, 1937.

Поступила в редакцию 18.11.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 04.03.2025

Received 18.11.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 04.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Беляев Олег Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова; с. н. с., заведующий сектором иранских языков Института языкознания РАН;
belyaev@ossetic-studies.org

ABOUT THE AUTHOR

Oleg Belyaev — Ph. D., Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Head of department of Iranian languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; belyaev@ossetic-studies.org